

ТЮЛЬБЕРЫ ЕНИСЕЙСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

Опубликовано: *Тюркологический сборник. 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 145-166.*

В 1895 г. акад. В. В. Радлов опубликовал текст енисейских рунических надписей, впервые сопроводив их переводом¹ (на немецком языке). Эти древние тюркоязычные надписи В. Радлов приписал енисейским кыргызам², которые с 840 г., после того как они разгромили государство уйгуров (с центром в Монголии), установили свое политическое господство в восточной части Центральной Азии к северу от пустыни Гоби. Политическая гегемония енисейских кыргызов, длившаяся до первых десятилетий X в., как известно, распространялась и на территорию современной Тувы³. Более того, в период своего господства енисейские кыргызы кочевали на территории Тувы, свидетельством чего является большое количество их погребальных памятников, многие из которых исследованы советскими археологами⁴. Помимо специфических погребальных памятников в Туве к настоящему времени обнаружено более 50 рунических надписей⁵, представляющих собой своеобразные эпитафии, которые принято считать кыргызскими. Отнесение их к кыргызам согласуется со свидетельством летописи *Таншу*, где в разделе, посвященном государству древних кыргызов, сказано: «Письмо их и язык совершенно сходны с хойхускими»⁶ (т. е. уйгурскими.— Л. П.). Выдающийся советский тюрколог С. Е. Малов, наиболее полно опубликовавший енисейские надписи (с переводом на русский язык), также относил эти письменные памятники к енисейским кыргызам⁷.

В тексте енисейских рунических надписей В.В. Радлов отметил ряд этнонимов, в частности и таких, которые он считал названиями кыргызских племен⁸. Из них наше внимание привлек термин *тюльбери* (в академической транскрипции В.Радлова — *tŷlǒäpi*). Он содержится в надписи на камне, найденном на территории современной Тувы по правобережью речки Туран, впадающей слева в р.Уюк⁹. Этот каменописный памятник получил в литературе название «Уюктуранский» и опубликован заново уже в русском переводе С.Е. Маловым¹⁰.

В целом надпись на нем представляет своеобразную эпитафию, посвященную какому-то богатому высокочинному лицу государства кыргызов, по имени Учин Кулюг-Тириг, носившему, как следует из надписи, «золотой пояс» (знак чиновного достоинства) и обладавшему шеститысячным табуном лошадей. Из текста следует также, что Учин Кулюг-Тириг умер на 63-м году жизни «на своей земле Эгюк-катун», что значит в долине реки Эгюк. Эта река, правый приток Бий-Хема, ныне называется лишь слегка измененно, а именно Уюк. Термин *Уюк* представляет собой стяженную форму от названия Эгюк — Угюк¹¹.

Расшифровывая третью строку надписи, нанесенной на задней стороне камня, В.В. Радлов дал ее перевод, который по-русски читается следующим образом: «...с моим ханом, народом тюльбери, с доблестными товарищами, с вами моими, моими соплеменниками

¹ *W. Radloff*, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895.

² Там же, стр. 300.

³ «История Тувы», т. I, М., 1964

⁴ *С.В. Киселев*, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949

⁵ Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. I. Под редакцией И. А. Батманова и А. Ч. Кунаа, Кызыл, 1963, стр. 7

⁶ *Н.Я. Бичурин (Иакинф)*, Собрание сведений о народах, Обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 353.

⁷ *С.Е. Малов*, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 4.

⁸ *W. Radloff*, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei., Стр 428

⁹ Там же, стр. 305.

¹⁰ *С.Е. Малов*, Енисейская письменность тюрков, стр. 16—20.

¹¹ *W. Radloff*, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 306, *Л.П.Кызласов*, Новая датировка памятников енисейской письменности,—«Советская этнография», 1960, № 3, стр 109—110.

(Folksgenossen), героями, многочисленными героями, героями воинами (юношами), моими зятьями, моими дочерьми и невестками не смог пребывать (т.е. умер.— Л.П.)»¹². Отсюда следует, что В.В. Радлов термин *tūlbāri* считал этнонимом. Он поместил это слово в составленный им перечень названий племен енисейских кыргызов, со значением «Volkname», и включил его также еще в особый список трехсложных названий племен и в общий словарь енисейских надписей¹³. Правда, в более позднем издании древнетюркских надписей В. В. Радлов, переводя *tūlbāri* как «народ», сопровождает свой перевод вопросом¹⁴.

Из вышеизложенного следует еще и то, что В. В. Радлов не считал термин *tūlbāri* связанным с предшествующим ему еловом *каным*, которое он переводил «мой хан».

Как известно, в конце 30-х годов нашего столетия была предпринята попытка издать свод выявленных древнетюркских рунических надписей, принадлежащая турецкому ученому Х.Н.Оркуну¹⁵. В этот свод попала и интересующая нас надпись. В турецком переводе Х.Оркуна она читается, если дать ее по-русски, таким образом: «Мой хан Тюльбери; (мой) простой народ, мои знаменитые товарищи; вы, мои... мужи; (мои) молодцы (молодые люди), мои зятья, мои дочери (девицы) и (?) невестки— (всеми вами) я не удовлетворился»¹⁶. Следовательно, *каным tūlbāri* здесь переведено как «мой хан Тюльбери», т.е. как собственное имя хана¹⁷.

Первым ученым, попытавшимся дать русский перевод рассматриваемого текста, оказался А.Н. Бернштам. Пользуясь изданными В.В. Радловым текстами енисейских надписей, А.Н. Бернштам предложил такое чтение интересующей нас строки (невзирая на немецкий перевод В.В. Радлова): «...от хана Тульбар, черного народа, счастливых сообщников в отношении вас, эля, товарищей, мужей, всех мужчин, сыновей и зтей, невесток я не наслаждался»¹⁸. Не вдаваясь в оценку перевода всей этой строки, мы констатируем, что А. Н. Бернштам *каным tūlbāri* перевел как «хан Тульбар».

Издавая заново енисейские рунические надписи в 1952 г. с учетом вновь открытых к этому времени памятников, С. Е. Малов шестую строку Уюктуранской надписи перевел так: «В отношении дач (от) моего хана, народной массы, славных моих героев, в отношении вас моих народных героев, многих мужей, солдат и моих зятьев, моих молодушек я не наслаждался (и умер)»¹⁹. С. Е. Малов также связывает *каным tūlbāri* в одно понятие и трактует как «дача (от) моего-хана».

Наконец, в последнем по времени издании эта строка предложена И.А. Батмановым в таком переводе: «В отношении... даров моего хана, простого народа, моего знаменитого сподвижника, вас, государство, мой друг герой, многочисленные герои, витязи, мои зятья, мои невестки, я не наслаждался»²⁰. Вместо «дача (от) моего хана», как у Малова, *каным tūlbāri* здесь переводится: «даров моего хана», т. е. почти по Малову, но несколько логичнее.

Несмотря на то, что транскрипция всей этой строки, особенно слов *каным* и *тюльбери*, почти у всех авторов одинакова, перевод же строки и рассматриваемых нами двух терминов предлагается различный. Это обстоятельство не может не вызвать удивления, тем более что

¹² W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 307. У Малова эта строка обозначена шестой

¹³ Там же, стр. 428, 390, 371—372

¹⁴ Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, St.-Pbg, 1897, стр. 176.

¹⁵ H.N.Orkun, Eski türk yazıtları, с. I—IV, Istanbul, 1936—1941.

¹⁶ Там же, с. III, стр. 39—42. Эту выписку из работы Х Оркуна и перевод ее с турецкого языка на русский любезно предоставил мне С. Г. Кляшторный, которому я приношу мою благодарность.

¹⁷ Слово *тюльбери* Х. Оркун не включил в общий словарь, приложенный к его работе. Между прочим, стоит заметить, что и в известном «Опыте словаря тюркских наречий» В Радлова слова *tūlbāri* также не оказалось, хотя вслед за В. Вербицким (Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка, Казань, 1884, стр. 383) Радлов включил сюда слово *tūlbār* со значением «жаворонок» (т. III, стр. 1567).

¹⁸ А.Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л., 1946, стр. 155.

¹⁹ С.Е.Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 19

²⁰ Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. I, стр. 59.

каждый из переводов согласуется с тюркским синтаксисом и грамматикой.

Во всех переводах, за исключением первого (принадлежащего В.В. Радлову), термин *тюльбер* не признается этнонимом. Особенно отрицательно относился к попыткам прочесть этот этноним С.Е. Малов, который отверг радловское толкование термина *тюльбер* как название народа и заменил его словом «дача» (= «дар»). Автор замечает: «По переводу этой строчки у В. В. Радлова (см. здесь мой „Указатель“ под словом *tŷl̆b̆äpi*) С. В. Киселев сообщает, что на территории современной Тувинской области в бассейне Улукема и Бейкема в VII—VIII вв. обитало племя тюльбари (Древняя история, стр. 316)»²¹. Однако С.В. Киселев, опираясь на перевод этого термина В.В. Радловым, как увидим дальше, был прав. Напротив, перевод, предложенный С. Е. Маловым, не может не вызвать возражения с историко-этнографической точки зрения, основанной на соответствующем конкретном материале из этнической истории Саяно-Алтайского нагорья. Мы полагаем, что решить этот вопрос можно при помощи исторических и этнографических источников.

Дело в том, что термин *тюльбер* в значении этнонима хорошо прослеживается, по крайней мере на протяжении последних трех с половиной столетий, у ясачного населения Кузнецкого уезда. Еще до построения Кузнецкого острога в 1618 г. в русских исторических документах данный этноним выступает в названии Тюлюберской ясачной волости, население которой обитало по р. Томи на западных склонах Кузнецкого Алатау. Числящаяся по ясачным книгам Тюлюберская волость изредка (в отдельных документах) называется искаженно Тулубердской.

В XVII в. наименования ясачных волостей в Томском, Кузнецком или Красноярском уездах отражали обычно названия родоплеменных групп местного ясачного населения, причем передавались эти названия русскими служилыми людьми того времени, как правило, довольно точно. Этот факт неоднократно отмечался в историко-этнографической литературе²². Но наряду с названиями ясачных волостей, поименованных по названию рода или племени, встречаются еще наименования ясачных улусов по имени князца, их возглавлявшего. Обычно такие улусы составляли лишь часть той или иной ясачной волости. В качестве примера можно привести Итиберскую волость телеутов, которая до сего времени сохранилась у кузнецких телеутов и среди северных шорцев как сеок, т.е. род, Четибер (*jetiber* или *четибер* — фонетические варианты). В XVII в. в ясачных книгах Кузнецкого уезда значится как сама Итиберская волость, так и два улуса этой волости под названиями Когудеев улус и Озылбаев улус. Оба улуса названы по имени телеутских князцов.

Наиболее ранний из документов, в которых упоминается ясачная Тюлюберская волость, датируется 1616 г. В этом году томский казак Иван Теплинский был послан для получения ясака в так называемые «Кузнецкие волости», население которых славилось кузнечным делом. Волости эти перечислены в его сообщении, посланном на имя царя Михаила Федоровича. В донесении сказано, что его, Ивана Теплинского, посылали из Томска «в Кузнецкие волости: в Тюлюберскую, в Абинскую, да в Сачаровскую, да в Чорскую, да в Елескую, да в Каргу, да в Ковы, да в Кобы ко князькам и к лутчим людям для твоего государева ясаку и к шерти приводить»²³. И. Теплинского постигла тогда неудача, ясаку и присяги ему не дали, а самого его ограбили, «раздели и санапал и саблю отняли». В цитированном документе И. Теплинский довольно правильно сообщил названия перечисленных им волостей. Переданные им наименования волостей — это названия местных родов телеутов и шорцев, которые сохранились в тех же местах до наших дней. У современных телеутов и шорцев мы находим их в качестве именно родовых названий, а в официальных документах (вплоть до XX в.) в качестве названий административных волостей. В. Радлов нашел и записал перечисленные (а также и другие) названия как роды

²¹ С.Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 20

²² См.: Л.П. Потапов, Очерки по истории Шории, Л., 1936; его же, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953; его же, Этнический состав и происхождение алтайцев, М.—Л., 1969; Б.О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, глава «Кузнецкий уезд».

²³ Цит. по: Г.Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 321.

шорцев в начале 60-х годов XIX в.²⁴

Лично нам также удалось их записать на месте в конце 20-х годов нашего столетия. Не касаясь пока Тюлюберской волости, отметим, что в составе сеоков-родов у шорцев, из перечисленных Теплинским, мы записали: Аба (Абинская волость), Сары-шор (Сары-чорская волость, которая у Теплинского названа искаженно Сачаровской), Шор (Чорская), Елеская (официально Елейская, а по произношению некоторых телеутов и шорцев — Челейская), Карга (Каргинская), Ковы (Кивинская), Кобы (Кобыйская) и др.

Возвращаясь к материалам о тюльберах (или тюлюберцах), следует указать, что до построения Кузнецкого острога они входили в состав феодальных улусов телеутов, возглавлявшихся князем Абаком, кочевавших по Оби в пяти днях езды от Томска. Это следует не только из того, что район обитания тюлюберцев по р. Томи (ниже впадения в нее р. Кондомы) входил в кочевья телеутов, но и подтверждается рядом русских исторических документов. В одном из них, относящемся к 1646 г., когда тюлюберцы уже в течение примерно 30 лет были ясачной волостью Кузнецкого уезда и платили ясак в Кузнецк, говорится о том, что телеутские феодалы продолжали считать тюльберов своим улусным населением. В этом документе, адресованном томскому воеводе, жители Тюлюберской волости сообщали следующее: «Приказывал-де к ним в Тюлюбери-белых калмаков (т. е. телеутов.— Л. П.) князец Кока Абаков (сын телеутского князя Абака.— Л. П.), велел-де им Битюгечку, да Бучайку приехать к себе в улус от Тюлюберской волости с ясаком. А только-де... они дней в 7—8 в калмаки не приедут, а Кока-де хочет приехать со своими улусными людьми к ним в Тюлюбери и ячмень у них татар выжечь и их, тюлюберских татар, хочет пограбить и побить»²⁵.

Обратимся к хронологическому обзору исторических русских источников, содержащих упоминания о тюльберах.

В документе 1618 г. рассказывается, что группа томских казаков была направлена на устье р. Кондомы, чтобы заложить Кузнецкий острог. Так как казаки вышли из Томска поздней осенью, то им пришлось, не доходя до Кондомы, «зазимовать в Тюлюберской волости», где они, дождавшись еще одной группы конных и лыжных томских казаков, пошли затем на устье Кондомы и поставили острог²⁶. С 1629 г. Тюлюберская волость неизменно фигурирует в ясачных книгах вплоть до 1715 г. с количеством ясачных от двух до четырех десятков²⁷. В 1636 г. эта волость подверглась нападению со стороны кыргызских феодалов, кочевавших в Минусинской котловине. Согласно документу, тогда было убито «12 ясачных людей, а жен и детей в полон имали, всего полону взято 20 человек»²⁸.

Позднее, когда со стороны местных властей были приняты меры для охраны ясачного населения Кузнецкого уезда от грабительских набегов кыргызских феодалов, Тюлюберская волость иногда служила даже убежищем от таких набегов для населения некоторых других волостей Томского уезда. В документах 1661 и 1681 гг. сообщается, например, что в указанные годы ряд горных порубежных волостей Томского уезда (Шушская, Камларская, Тастарская) спасались бегством от кыргызов на р. Томь, в частности в Тюлюберскую волость²⁹.

Обитали тюльберы в XVII в. по р. Томи ниже г. Кузнецка. В этих местах они продолжали жить и в XVIII в. В «Описании Кузнецкого уезда», составленном Г.Ф. Миллером в результате его экспедиции в Сибирь, Тюлюберская волость значится по р. Томи от впадения в Томь р. Ускат и до Мунгатского острога, построенного в 1715 г. (на левом берегу Томи) в окрестностях речки Мунгат. В Тюлюберской волости во времена Миллера (1734 г.) платило

²⁴ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, Leipzig, 1884, стр. 213—214.

²⁵ СПб., Приказ. Кн. № 202, л. 101, цит. по: С.А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л., 1936, стр. 48

²⁶ Г.Ф. Миллер, *История Сибири*, т. I, стр. 451—452.

²⁷ Б.О. Долгих, *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.*, стр. 106.

²⁸ Г.Ф. Миллер, *История Сибири*, т. II, М.—Л., 1941, стр. 441.

²⁹ Б.О. Долгих, *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.*, стр. 100.

якак всего четыре человека. Она была соседящей с Баянской волостью, где ясачных плательщиков числилось 28 человек³⁰.

Необходимо обратить внимание на свидетельство Г. Ф. Миллера о том, что название «баянских татар» в то время в обычной речи было почти неизвестно и обе волости обозначались «общим именем Тюлюберды»³¹. Отсюда можно заключить, что большая часть тюльберов жила смешанно с жителями Баянской волости, а территория, занимаемая обеими группами, называлась по имени тюльберов. Несомненно, что жители обеих волостей характеризовались общностью культуры и быта, возможно, и общностью происхождения. Те и другие, как мы предполагаем, входили в состав телеутов, что доказать в отношении тюльберов нетрудно. Обе названные волости одновременно числятся в ясачных книгах с 1629 г. как соседние³².

Тюлюберская волость упомянута в составе волостей, находящихся по р. Томи, и в ответах, присланных из г. Кузнецка на вопросы анкеты В. Н. Татищева. Ответы основаны на данных «переписи 1719 и по свидетельству 1723 годов»³³.

Благодаря дошедшему до нас «Дорожному журналу» С. П. Крашенинникова, представляющему собой дневник его путешествия в 1734—1736 гг., который он вел в составе Великой Северной экспедиции (в отряде, возглавляемом Г. Ф. Миллером), мы имеем возможность составить более подробное представление о тюльберах того времени. Автор дневника именует их «тюлиберскими татарами». Он посетил их во время своего пути по р. Томи от Кузнецка до Томска. Из этих записей (1734 г.) становится известным, что «тюлиберские татары», которых встретил на своем пути С. П. Крашенинников, жили в селениях, или «юртах», расположенных по берегам р. Томи, под названиями: Мамышевы или Ширины юрты, в районе впадения в Томь речек Средний и Нижний Терс, Кокошниковые юрты, ближе к месту впадения р. Нижнего Терса, затем Сустанакоты юрты неподалеку от впадения в Томь р. Ташту³⁴. Но самое главное из того, что дают нам дневниковые записи нашего знаменитого соотечественника, - это некоторые этнографические характеристики тюльберов, сделанные им столь умело и метко, что они могут служить надежным свидетельством этнической принадлежности тюльберов. В Мамышевых юртах, где заночевал путешественник, он обратил внимание на жилище. «У сих татар, записал он, юрты очень худо построены, иные на подобие русских изб, а иные из досок зделаны, круглые и на подобие башни вверху сведены, и все землю так осыпаны, что издали никак не можно за юрту признать, двери так малы, что немалому человеку почти полском лезть в них надобно. А полу в них нет, а на середине их зделан комель, в котором днем и ночью, зимою и летом огонь безпрестанно кладут. Мы, в сии юрты приехавши, ни единой почти бабы не видали, понеже они думают, что к ним неприятели идут, все в лес разбежались»³⁵.

Из приведенных заметок следует, что тюльберы жили уже оседло, небольшими селениями. У них сохранялся характерный для «лесных» народов Саяно-Алтая конический шалаш, который раньше, при кочевом образе жизни, служил сезонным, именно летним, жилищем, в то время как войлочная юрта была зимним. В связи с переходом на оседлость и новыми формами хозяйства войлочная юрта исчезла, но традиционный летний шалаш «аланчык» остался и подвергся утеплению для зимнего обитания, как это описано путешественником. Вместе с этим появился и новый срубный тип постоянного жилища, представлявший собой примитивное подражание русской срубной избе.

Особенно интересные наблюдения были сделаны С. П. Крашенинниковым в

³⁰ Г.Ф. Миллер, Описание Кузнецкого уезда (рукопись на нем. яз.), — ЦГАДА, ф. 199, д. № 1, л. 21.

³¹ Г.Ф. Миллер, Описание Кузнецкого уезда, л. 21

³² Б.О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в, стр. 106, 114

³³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 152 Рукопись под названием «Города Кузнецка суплемент, сочиненный в Кузнецкой канцелярии по силе указов ее императорского величества из Сибирской губернии канцелярии и географическим описаниям», лл 252—281.

³⁴ «С.П.Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы». Составил Н.Н. Степанов, М.—Л., 1966, стр 40—41.

³⁵ Там же, стр. 49—50.

Сустанакowych юртах. Вот одно из них: «Тут видели мы девку, которая 4 косы имеет, по две на стороне. Вины спрашивая, для чего сия девка от девок и от баб разнствует, понеже у девок кос по 10 и по 20 имеют, а у баб только по две, по одной на стороне заплетаются, узнали, что эта девка заговорена и для того 4 косы имеет, а когда уже замуж выйдет, то ей те 4 косы в две заплетают. Бабы татарские и девки сверх волосов мусские шапки надевают»³⁶. Данная этнографическая особенность связывает тюльберов с телеутами, качинцами, некоторыми группами западных тувинцев и южными алтайцами. Но это еще не все, что можно почерпнуть из наблюдений ученого.

Следующий отрывок из его дневника имеет особенно существенное значение. Он гласит: «Тут же видели мы у трех дворов по 4 березки поставлены, на восток наклоненные, из которых на трех обрески китайчетые, стамедные, хамовые и зенденные навешены, а на четвертой, передней из них, повешена заячья кожа, на всех лапах его, близ лап, лоскутки красные привязаны. У сих березок оные татары по всякой год жертву приносят богу, наваривши браги великую кадь, и, к тем березкам вынесши, на них льют, и сами пьют, и таким образом бога молят... Они так же... камов имеют, у них всех есть инструмент, которой русские бубном, а они тюрю называют, обод у него как у сита, на одной стороне кожа как на барабане натянута. Внутри его вдоль зделана толстая палка, а посредине его, где рукою держать, тоне выделено. Сквозь оную палку поперег продет железный прут, на котором железцы повешены, на одной стороне 4, а на другой пять, внутри ж на ободке также некоторые железцы повешены.

В сей инструмент бьют колотушкою зайчинною, а иные собольего, неведомо чем набитою, а бьючи в него, камы призывают чорта. У него во всем помощи просят»³⁷.

С.П. Крашенинников весьма толково описал жертвенники из березок, характерные, как известно этнографам, для телеутов. Их ставили позади юрты. Между березками натягивался обычно волосяной шнур, на котором висела шкурка зайца с цветными ленточками (*жалама*) и куски различных тканей. Все это, как выяснено по этнографическим данным XIX—XX вв., является специфической особенностью религиозного шаманского культа у телеутов. Этот тип «жертвенника», известный под общим названием *жайык* (*дьайык*, *джаик*), характерен именно для телеутов и родственных им одноименных сеоков южных алтайцев. Под групповым названием «ерень» данный вид изрбражения зафиксирован у группы тувинцев, которые представляют собой часть теленгутов — телеутов и обитают в верховьях р. Кобдо, где монголы называли их «кокчулутунами»³⁸. Этот жертвенник хорошо описан в литературе³⁹. Нам лично приходилось видеть, фотографировать и описывать его с природы еще в конце 20-х годов у телеутов Горного Алтая. Он представлен частично и в коллекциях крупнейших этнографических музеев страны⁴⁰. По нашим наблюдениям, у правобережных катунских алтайцев, которых раньше (начиная с XVII в.) в русских исторических документах называли тау-телеутами (т. е. горными телеутами, в отличие от обских степных телеутов), между березками на волосяном шнуре подвешивалась обязательно шкурка белого (зимнего) зайца-самца. А среди многих алтайцев левобережья Катуня вместо заячьей шкурки к такому шнуру подвязывали заменитель шкурки, вырезанный из белой материи, на котором можно было различить голову с ушами, лапки и хвост. Это изображение так и называлось — «заяц» (*кожан*). Следовательно, приведенное выше сообщение С.П. Крашенинникова свидетельствует также о сходстве с телеутским своеобразного жертвенника, устанавливаемого тюльберами у жилища, несмотря на то, что среди них в то время усиленно насаждалось христианство.

Необходимо отметить, что С. П. Крашенинников сумел в весьма короткий срок уловить

³⁶ Там же, стр. 50

³⁷ Там же, стр. 50—51.

³⁸ Г.Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, т. II, СПб., 1881, стр. 9; т. IV, СПб, 1883, стр. 94.

³⁹ А.В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев, Л., 1924, стр. 13.

⁴⁰ Речь идет о Государственном музее этнографии народов СССР и Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде, где хранятся шнуры с привязанными к ним ленточками и шкуркой зайца, снятые с жертвенных березок.

еще и наиболее характерные черты шаманского бубна у тюльберов. Он правильно записал его название (*түүр*), как и название шамана (*кам*), и даже обратил внимание на весьма специфическую колотушку к шаманскому бубну тюльберов, обтянутую заячьей шкуркой. Мы изучали в свое время типы бубнов у племен Алтая⁴¹ и можем удостоверить, что бубен тюльберов, кратко описанный С. П. Крашенинниковым, по всем упомянутым деталям (включая колотушку) относится к телеутскому типу⁴². Таким образом, все черты шаманского культа, подмеченные в приведенном выше описании, не оставляют сомнения в их полном тождестве с телеутскими, хорошо изученными и опубликованными в научной литературе.

Следовательно, опираясь на отраженные в дневнике С.П.Крашенинникова этнографические материалы, относящиеся к тюльберам, мы вправе утверждать следующее. Тюльберы, которые жили, судя по самым ранним русским письменным источникам, с начала XVII в. вместе с телеутами в бассейне р. Томи, составляли какую-то часть телеутов.

Такой же вывод сделал знаменитый участник академической экспедиции второй половины XVIII в. (1768—1774 гг.) И. Георги. Последний в своем известном сводном этнографическом труде коснулся описания тюльберов, совместно с кистимцами (ср. телеутскую группу, а по Радлову, — телеутское племя, «ак-киштимы»)⁴³. О «кистимских» и «тюлюберских» татарах⁴⁴, которые, по его словам, «живут неподалеку от телеут на левом берегу р. Томи», он пишет, что они «во всем сообразны с телеутами так, что надобно почитать их отщепившимися телеутскими аймаками или коленами». И далее у него сказано: «Живут они в малых деревнях, сходных с телеутскими, и так же, как они упражняются в скотоводстве. С землепашестве и зверином промысле». И.Георги также отметил, что «тулибертские бабы отменны "косою, так как девки их многими косами, которых они носят от 20 до 30, и которые, выключая лицо, кругом всей головы висят...». Наконец, И. Георги подчеркивает, что тюльберы по религии шаманисты и «ныне еще держатся сего закона, и при том наблюдают обряды телеут, но по бедности своей скота не приносят в жертву»⁴⁵.

По данным XVII—XVIII вв. твердо устанавливается, что тюльберы жили по р. Томи, преимущественно по правобережью и ниже впадения в нее р. Кондомы, в устье которой находилась Абинская ясачная волость. В этой волости был сооружен Кузнецкий острог. Абинцы также находились в тесном контакте с телеутами и тюльберами; как нам уже приходилось указывать, они были родственны телеутам по происхождению, языку, культуре и быту⁴⁶.

Главным районом обитания тюльберов был бассейн трех правых притоков р. Томи, именуемых Терс (Нижний, Средний, Верхний), вытекающих с юго-западного склона Кузнецкого Алатау. В этих местах, где к р. Томи подходит Салтымаковский хребет, они значатся и на карте С. Ремезова, «оставленной по материалам XVII в.»⁴⁷. Верховья Верхнего и Среднего Терсов подходят к таежному району верховий Черного и Белого Июсов. В этих промысловых местах до настоящего времени сохранилось название речки и тайги Тюльбер, так как здесь находились в свое время охотничьи угодья тюльберов, которые, как и телеуты и абинцы, сочетали занятие скотоводством с охотой на зверя.

Таким образом, устанавливается этническая общность тюркоязычных тюльберов XVII—XVIII вв. с телеутами. Из этого вывода вытекает и другой. Мы вправе утверждать, что тюльберы XVII—XVIII вв. вполне могут рассматриваться этническими потомками кочевников-скотоводов *tülbäri*, упомянутых в уюктуранской рунической надписи,

⁴¹ См.: «L.P.Potapov, Die Schamanen Trommel bei den altaische Völkern. Glaubenswelt und Folklor der sibirischen Völker, Budapest 1963. См. также.: L.P.Potapov, Shamans' Drums of Altaic Ethnic Group, Popular and Folklore Tradition in Siberia, Budapest, 1968.

⁴² Л.П.Потанов, Бубен телеутской шаманки и его рисунки — «Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР» т. X., М. — Л., 1949.

⁴³ См. Л.П.Потанов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 34 — 35 и др.

⁴⁴ Татарами И. Георги называл народы, говорящие на тюркском языке.

⁴⁵ И.Г.Георги, Описание всех в Российской империи обитающих народов, ч. II, СПб., 1777, стр. 161.

⁴⁶ Л.П.Потанов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 168—169.

⁴⁷ С. Ремезов включил в район расселения тюльберов еще р. Тайдан.

кочевавших в домонгольский период в степях Северной Тувы.

На основании всего изложенного можно также с уверенностью говорить и о том, что предложенный В. В. Радловым перевод термина *tülbäri* как название народа или племени находит подтверждение на историко-этнографическом материале. Перевод Х. Оркуна и А. Н. Бернштама, принявших этот термин за собственное имя какого-то хана, отпадает, так же как и перевод С. Е. Малова. По этому поводу хотелось бы сделать следующее замечание. Наш выдающийся тюрколог при переводах енисейских рунических текстов подходил к ним прежде всего как филолог. В частности, он не стремился выявить в текстах этнонимы, возражая против некоторых отождествлений В. В. Радлова и С. В. Киселева. Напомним, что В. В. Радлов⁴⁸ выявил этноним *ач*, который сохранился вплоть до современности⁴⁹. С. Е. Малов же заявлял: «Народ „Ач“, встречающийся часто в переводах В.В.Радлова (в енисейских памятниках) и в сочинениях историков и археологов, для меня очень сомнителен»⁵⁰. И далее: «В последующих надписях, где мои предшественники по чтению памятников видели слово ач, я везде буду указывать это и давать свое чтение»⁵¹. Вследствие такой позиции С. Е. Малов иногда испытывал столь большие трудности с термином *ач*, что переводил его (по собственному признанию) «за неимением ничего другого», как «милость» или «благоденствие», но исходя уже из монгольской лексики. Не признавая эти термины этнонимами, С. Е. Малов все же пытается их как-то перевести и этимологизировать⁵².

Нам трудно уверенно говорить о термине *каным*, предшествующем в тексте Уюктуранской надписи слову *tülbäri*. Но кажется, что вышеприведенный перевод В. В. Радлова вполне может быть принят. Вместе с этим хотелось бы обратить внимание и на то, что у одной из групп современных хакасов, именовавшейся раньше кызыльцами, термин *каным* означает «родина» (букв. государство, царство)⁵³. Однако и при таком значении этого термина, если брать его неотделимо от *tülbäri*, перевод последнего как названия народа или племени также не пострадает⁵⁴.

Поскольку мы считаем доказанным существование племени (или родоплеменной группы) под названием *tülbäri* в период создания Уюктуранской надписи и считаем тюльберов XVII—XVIII вв. их историческими потомками, мы хотели бы высказать наши соображения и об этнической принадлежности древних тюльберов.

Опираясь на этнографические признаки, можно утверждать, что тюльберы не могут быть, отнесены к киргизам. На это указывают прежде всего описанные С.П. Крашенинниковым черты шаманского культа тюльберов. Религиозные представления и обычаи народов Саяно-Алтайского нагорья отличаются поразительной устойчивостью и консерватизмом. Это доказано в ряде работ, в которых сравниваются верования древних тюрков и современных алтайцев, хакасов, тувинцев и т.п.⁵⁵. Поэтому, зная о характерных чертах шаманского культа тюльберов XVII—XVIII вв., мы вполне закономерно можем

⁴⁸ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 351, 458,

⁴⁹ См.: Л.П.Потанов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957, стр. 146—147 и др.; Б.О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 96, 100, 102. Этноним *ач* фигурирует в русских исторических документах как Ачинская ясачная волость с первого десятилетия XVII в. (Г.Ф. Миллер, История Сибири т. I, стр. 324, 434; т. II, стр. 84, 492—493, 577).

⁵⁰ С.Е.Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 15.

⁵¹ Там же, стр. 16.

⁵² Ср. в связи с этим П.М.Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, — ЗВОРАО, 1900, т. XII, стр. 129, 131. Сравнительно недавно на несостоятельность попыток этимологизировать древнетюркские собственные имена указал Д.Клосон. См.: G. Clauson, A note on Qarqan, — JRAS, 1956, April.

⁵³ Н.Г.Доможаков, Нижнеюсцы, — «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», Абакан, 1969, вып. VIII, стр. 192.

⁵⁴ Термин *каным* сохранился еще как название большой горы, находящейся в верховьях р. Верхний Терс и обозначенной на современных картах.

⁵⁵ См., например Л.П.Потанов, Основные проблемы изучения народов Алтая в советской исторической науке, — «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов», М., 1964; его же, Применение историко-этнографического метода к изучению памятников древнетюркской культуры, — «Доклады советской делегации «а V Конгрессе антропологических и этнографических наук», М., 1956.

экстраполировать их на тюльберов периода IX—X вв. Далее, тюльберы XVII—XVIII вв. занимались наряду со скотоводством и звериным промыслом. Это очень типично для хозяйственного облика тюльберов, как и телеутов и других так называемых «лесных народов» Саяно-Алтайского нагорья. Енисейские кыргызы звериным промыслом не занимались и даже подчеркивали это. Их князья объясняли русскому посланнику в 1627 г.: «Живем в степи, а по лесу на лещнях не зверуем и соболей не добываем»⁵⁶. В другом документе снова подчеркивается эта особенность и даже с объяснением: «Сами де они за соболями и за бобрами зверовать не умеют и не природа им». Не умели они, киргизы, и ходить на лыжах, без чего невозможен звериный промысел в тайге. Они сами в этом откровенно признавались: «а лыжный де нам ход не за обычай»⁵⁷. Данная хозяйственно-бытовая особенность резко отличает киргизов от тюльберов, телеутов, тувинцев, алтайцев и других народностей Саяно-Алтая. Поэтому мы убеждены в том, что в тот период, к которому относится надпись, тюльберы также не принадлежали к енисейским кыргызам. Они относились к другой этнической группе, скорее всего к теленгутам — типичным представителям средневековых «лесных народов» Саяно-Алтайского нагорья, упомянутых в «Сокровенном Сказании» и Рашид ад-дином⁵⁸.

Несмотря на то что енисейские кыргызы в период своего могущества (IX—X вв.) кочевали в Туве и распоряжались ее территориями, местные тюркоязычные племена (например, чики, теленгуты и др.), отличаясь по происхождению, культуре и быту от кыргызов, продолжали обитать здесь. Енисейская руническая письменность, будучи письменностью кыргызов, была доступна и аристократической верхушке местных кочевников, которая заказывала эпитафии для своих умерших. Об этом убедительно говорят некоторые эпитафии, вы сеченные на стелах, установленных на кургане, под которым умерший погребен по обряду труположения, а не по обряду трупосожжения, характерного для кыргызов.

Было бы, конечно, заманчиво установить, когда, в какое время, хотя бы примерно, тюльберы перекочевали из северной части Тувы в долину р. Томи. К сожалению, для этого мы не располагаем надежным историческим материалом. Можно с значительной долей вероятности сказать только о времени их обитания в Туве, опираясь на Уюктуранскую надпись, что связано с ее датировкой.

Как известно, уже В.В. Радлов датировал енисейские рунические надписи концом VII или началом VIII в., основываясь на определенных исторических фактах⁵⁹. Теперь, исходя из того, что эти надписи сделаны далеко не одновременно, предлагается более гибкая и более протяженная во времени датировка, основанная на привлечении археологических памятников, представляющих собой погребения отдельных лиц, с которыми связывают те или иные эпитафии⁶⁰. Нижней границей новой датировки енисейских надписей по-прежнему считают VII, верхней же — XII век. Наиболее ранние надписи, относящиеся к VII—VIII вв., обнаружены на различных предметах из раскопанных погребений под каменными курганами. Эти надписи хорошо датируются археологическим методом. Но твердо датируется концом VII в. и одна надпись на стеле с р. Уйбата, в которой упоминается имя одного из

⁵⁶ Л.П.Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, стр. 18—19.

⁵⁷ Там же, стр. 19. Ср. «соболей не ловим, а емлем де за долг соболя у киштымов» (т.е. данников.— Л. П.),— заявляли русским служилым людям киргизские князья.

⁵⁸ Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием «юань чао би ши». Монгольский обыденный сборник, т. I, М.—Л., 1941, стр. 161, 174—175; Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, М.—Л., 1952, стр. 122—124. Здесь прямо говорится, что телеуты, как и куштеры (кешдимы енисейских надписей.— Л.П.), обитают по лесам страны киргизов и кэм кемджиутов (т.е. на территории рек Хема и Хемчика в Туве,— Л.П.).

⁵⁹ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 301—308.

⁶⁰ Л.Р.Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности,— «Советская археология», 1960, № 3. Датировка С. Е. Малова (Енисейская письменность тюрков, стр. 7—8), относящая рунические надписи к V в., никем всерьез не принимается, и не только потому, что приводится без доказательств, но главным образом потому, что она резко противоречит большой серии хорошо установленных исторических фактов

древнетюркских каганов⁶¹. Однако и в Минусинской котловине, несомненно, имеются памятники более позднего времени, например, надпись с Алтын-кёля (у Малова № 29), из которой видно, что умерший ходил послом к тибетскому хану⁶². Следовательно, посольство было перед 840 г.⁶³, когда енисейские кыргызы готовились уничтожить уйгурское ханство, и одной из его целей могло быть желание заручиться поддержкой тибетского хана, угрожавшего уйгурам с запада.

В настоящее время имеется попытка датировки многих енисейских надписей в отдельности⁶⁴. В этой классификации интересующий нас памятник отнесен к середине IX в. По надписям устанавливается также, что умерший которому была посвящена эпитафия на Уюктуранском камне, имел потомство. Его внук был захоронен на правом берегу Улу-Хема, примерно в 15 км выше впадения в него притока Баян-Гола⁶⁵. Эта эпитафия, получившая название «второго памятника из Кызыл-Чыраа», датируется началом X в. Таким образом, тюльберы кочевали в северной части Тувы в IX и начале X в, т.е. в период "политического подъема государства енисейских кыргызов. По мнению Л.Р.Кызласова, основанному на сопоставлении тамг на стелах с эпитафиями, кочевая знать (принадлежащая, как мы думаем, к тюльберам) пришла на территорию современной Тувы из Минусинской котловины в связи с походами енисейских кыргызов на уйгуров. В этих походах принимал участие и погребенный, в память о котором составлена Уюктуранская надпись на камне⁶⁶. Разумеется, вопрос о том, были ли тюльберы аборигенами на территории Тувы или оказались здесь пришельцами, на основании анализа одних только тамг решить невозможно. Но факт их обитания здесь, в период так называемого кыргызского великодержавия⁶⁷, сомнению не подлежит. У нас нет конкретных материалов, свидетельствующих о времени перекочевки тюльберов в бассейн р. Томи. Можно только предполагать, что они были вынуждены отступить на северную сторону Саян после покорения енисейских кыргызов и многих так называемых «лесных народов» Саяно-Алтайского нагорья войсками Чингиз-хана (в начале XIII в.). Мы не можем также сказать, вся ли группа тюльберов откочевала в бассейн р. Томи или часть ее осталась на месте, была ли захвачена она потоком этнических передвижений, как это случилось, например, с теленгутами (телеутами), которые оказались в результате этого и на юге в составе населения Ордоса, и на севере у г. Томска, и на западе, достигая Тянь-Шаня и Иртыша⁶⁸. Вполне вероятно, что тюльберы продвинулись на север в составе теленгутов (телеутов), близость с которыми у них проявлялась так отчетливо еще в XVII — XVIII вв.

О выселении из области Хангайского и Саяно-Алтайского нагорий различных этнических групп, племен и народностей так называемое монгольское время имеется много конкретных исторических данных, из которых следует, что с течением времени эти группы приняли участие в формировании киргизов, казахов, башкиров, кочевых узбеков, сибирских (тюменских, тобольских и др.) татар. Мы можем назвать здесь одну из таких групп, имя которой сохранила енисейская надпись, обнаруженная на скале на правом берегу р. Ак-юс⁶⁹. Речь идет о племени или народе *терс* (в транскрипции Радлова — *tärc*). Поскольку мы

⁶¹ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 302

⁶² С.Е.Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 58

⁶³ История экспансии Тибета через его северные границы и выступление енисейских кыргызов против уйгуров и т.д. детально освещены в работе А.Стейна (A. Stein) См его «Innermost Asia», Oxford, 1928, стр 566—586

⁶⁴ Л.Р.Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, см приложение в виде таблицы

⁶⁵ С.Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М —Л, 1959, его же, Енисейская письменность тюрков, стр. 80, Л.Р.Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр 108—111

⁶⁶ Л.Р.Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр 107— 111

⁶⁷ В.В.Бартольд, Киргизы (Исторический очерк),— Сочинения, т. II, ч 1, М, 1964, гл. III.

⁶⁸ Л.П.Потанов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр 85—87, 160—162 и др. По летописям Рашид ад-дина известно, что часть теленгутов, кешдимов и других племен находилась в Туве и в монгольское время (см. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр 122—124).

⁶⁹ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 344.

находим, что название этой народности или племени следует связать с изучением вопроса о тюльберах стоит вкратце об этом сказать.

При первом переводе енисейских надписей В. В. Радлов прочитал в упомянутой надписи термин *tārc* как название народа, хотя в словарь енисейских надписей внес это слово, сопроводив его вопросом⁷⁰. В издании С. Е. Малова слово *tārc* оставлено без перевода, так как автор не хотел принять его за этноним⁷¹. Но такой этноним, несомненно, существовал, иначе было бы трудно объяснить его наличие в XVI—XVII вв. в русских исторических документах. Мы узнаем его в названии терсяцких татар или Терсяцкой ясачной волости, упоминаемой уже с 1600 г.⁷² В XVI в. терс жили в окрестностях Тюмени. Однако название трех правых притоков Томи, берущих начало вблизи истоков р. Ак-юса (совр. Белый Юс), именем Терс служит свидетельством пребывания здесь племени терс, которое со временем продвинулось на запад, через Барабинскую степь, к Тюмени, где стало известно русским служилым людям как терсяцкие татары (татарами тогда называли народности, говорящие по-тюркски). Группа терс вошла, видимо, в этнический состав башкир, сохранив свой этноним в названии аймака, или рода — терсатский (*терс* + *ат* — окончание множественного числа в монгольском языке)⁷³.

Изложенные данные об этнониме и народе терс имеют значение для изучения вопроса о тюльберах в том смысле, что позволяют сделать следующее заключение. Племя или народ терс, обитавший, судя по рунической надписи, в районе р. Белого Юса, по всей вероятности, появился в районе р. Томи раньше тюльберов, оставив следы своего пребывания в названии трех рек. Поселившиеся здесь позднее тюльберы сохранили эти названия, хотя промысловые уголья их в верховьях р. Томи получили собственное наименование Тюльбер-тайга (р. Тюльбер).

Анализ терминов *тюльбер*, *терс* и др. показывает, какую большую научную ценность представляют собой енисейские рунические надписи как исторический источник.

Позволим себе указать еще на один из терминов упомянутых надписей, в котором мы склонны видеть этноним, бытующий до наших дней. Речь пойдет о термине *jāmi böri*, который во всех имеющихся переводах дан в значении «семь волков». Он содержится в известной надписи на камне с р. Бегре (Тува)⁷⁴. Этот термин читается в одной из строк надписи. От имени погребенного, в память о котором составлена эпитафия, говорится: *jāmi böri ölürdüm a барсыг көкмәкіг ölürmädim a* «Я убил семь волков. Я не убивал барсов и ланей»⁷⁵. Уже А. Н. Бернштам, обративший внимание на эту строку, заподозрил в ней не сообщение об охотничьей добыче, а отражение тотемистических пережитков⁷⁶. Названиями родов был склонен считать такого рода наименования и С. Е. Малов⁷⁷. Мы также полагаем, что здесь говорится не об охотничьей добыче, а о борьбе с определенными родо-племенными группами, носящими названия зверей. Подтверждение этому мы видим в термине *jāmi nöri*, сохранившемся в качестве этнонима у телеутов⁷⁸.

В русских документах XVII в. часто упоминается Итиберская (Етиберская) телеутская ясачная волость⁷⁹. Еще в первой половине XVII в. итиберы составляли значительную группу восточных телеутов, кочевавших по правобережью р. Томи, которая состояла из ряда улусов, называемых в ясачных книгах по именам князей (Улус Когудея, Улус Озылбая). В XVIII в. они делились на две ясачные волости, обе под названием Итиберской, одна из которых

⁷⁰ Там же, стр. 344 и 370

⁷¹ Енисейская письменность тюрков, стр. 68

⁷² Г.Ф.Миллер, История Сибири, т I

⁷³ С.И.Руденко, Башкиры, М.—Л., 1955, стр. 51, 57.

⁷⁴ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 317. Памятник датируется (по таблице Л. Р. Кызласова) концом X в.

⁷⁵ С.Е.Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 33.

⁷⁶ А.Н.Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII веков, стр. 162—163

⁷⁷ Енисейская письменность тюрков, стр. 34.

⁷⁸ См.. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 85—86

⁷⁹ Г.Ф. Миллер, История Сибири, т. I, стр. 126 и др, т II, стр. 370 и др.

находилась на р. Кондоме, другая — на ее притоке Мондубаше. В XIX и в начале XX в. они назывались: первая — Кондомско-Итиберской, вторая — Итиберско-Шерага-шевой (иногда — Каларской)⁸⁰. Будучи в 1927 и 1934 гг. в районе бассейна р. Кондомы, мы работали с населением сеока *jätibär (ïetiber)*, название которого произносится также *čätibär (чедибер)*. Многие представители этого сеока до сего времени относят себя к телеутам и лишь некоторые — к шорцам. Часть названного сеока вместе с некоторыми сеоками шорцев переселилась в XVIII в. в бассейн р. Абакана и вошла в состав сагайцев⁸¹. Любопытно, что там представителей этого сеока называют *четтибюри* (или *четти-бюр*), т. е. «семь волков». Мы думаем, что название *ïetiber* укрепилось с XVII в. из русского произношения слов *jäti böri* («семь волков»).

Следовательно, древние енисейские рунические надписи дают исследователю комплекс терминов-этнонимов, отражающих этнический состав населения в период раннего средневековья, главным образом в пределах современной Тувы и частично Минусинской котловины. Исследование показывает, что упомянутый комплекс этнонимов сохранился у далеких потомков тех племен или народов (или их родоплеменных групп) до нашего времени как обитающих непосредственно в Саяно-Алтайском нагорье, так и в прилегающих к нему районах. Изучение енисейских рунических текстов может дать еще много новых интересных историко-этнографических фактов, в частности для этнической истории Саяно-Алтайского края. В заключение мы хотели бы сообщить вкратце о дальнейшей судьбе тюльберов, исчезнувших из состава алтайских народностей в качестве самостоятельной этнической и административной единицы. Они по большей части смешались с окружающими их различными группами оседлых телеутов и русских крестьян и были включены после реформы 1822 г в состав оседлых инородцев. Административно большинство их входило в Баянскую, или Паянскую, оседлую «инородческую волость». Напомним, что еще Г. Миллер обратил внимание на то, что Тюлюберская и Баянская волости в 30-х годах XVIII в. практически обозначались «общим именем Тюлюберды», а название баянских татар в обычной речи почти не употреблялось. В официальных списках XIX в. фигурирует уже только одна Баянская волость как оседлая, с местопребыванием ее жителей по берегам Томи⁸², примерно в тех же местах, что в XVII—XVIII вв., где обитало население Баянской и Тюлюберской смежных волостей. Эта волость была переименована на основании Устава об инородцах 1822 г. в Баянскую инородную управу⁸³. Вместе с этим в середине XIX в. по данным В.Вербицкого, существовала еще Баянская «кочевая волость» Кузнецкого уезда, выступавшая чаще под официальным названием Ближне-Каргинской, так как она включала часть сеока Карга. Это означало, конечно, что в составе данной волости находилась часть населения Баянской волости, переселившаяся на р. Мрассу. Так как Баянская волость еще с 30-х годов XVIII в. включила и население Тюлюберской волости, то мы можем полагать, что какая-то часть тюльберов числилась в составе Ближне-Каргинской волости в бассейне р. Мрассы и по образу жизни (с преобладанием уже охоты на зверя в хозяйственных занятиях) была «кочевой». В этой связи прояснить интересующий нас вопрос поможет материал о Каргинских волостях.

По официальным сведениям, опубликованным В.Вербицким, было три кочевых волости Кузнецкого уезда, носящих название «Каргинская»: Ближне-Каргинская, Дальне-Каргинская и Кызыл-Каргинская (или просто Кызыльская). Все эти три Каргинские волости значатся и в списке волостей Кузнецкого уезда, зафиксированных в 1734 г. Г. Миллером⁸⁴. У него

⁸⁰ Л.П.Потанов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 132, 136

⁸¹ См. Л.П.Потанов, Этнический состав сагайцев, — «Советская этнография», 1947, № 3

⁸² К. Риттер, Землеведение Азии, т. IV Дополнение к тому III Алтае-Саянская горная система Составили П.П.Семенов-Тянь-Шанский и Г.Н.Потанин, СПб, 1877, стр. 471

⁸³ С.К.Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. II, СПб, 1912, стр. 277

⁸⁴ Все данные В.Вербицкого и Г.Миллера о волостях Баянской и Каргинских подробно изложены нами в книге «Этнический состав и происхождение алтайцев», стр. 132, 136—137.

говорится о волости Ближняя Карга по р Ортону, правому притоку Мрассы (самая большая — 43 плательщика ясака), затем о волости Кузешева Карга⁸⁵ по р. Мрассе, примерно близ впадения в нее р. Таяс (17 плательщиков), и, наконец, Кызыл-Карга по р. Пызасу, правому притоку Мрассы 15 плательщиков).

Отсюда следует, что в составе Ближне-Каргинской волости представители Баянской волости (куда входили и тюльберы) появляются только в XIX в, в связи с чем эту волость иногда именовали (видимо, неофициально) Баянской, как это следует из примечания В Вербицкого⁸⁶. Следовательно, тюльберы частично оказались на Мрассе и смешались с мрасскими каргинцами. Для подтверждения высказанных соображений обратимся теперь к полевому этнографическому материалу, собранному нами в бассейне рек Кондомы и Мрассы в 1927 и 1934 гг.

Изучая родовые охотничьи угодья у шорцев, мы зарегистрировали речку Тюльбер в составе охотничьей территории сеока Кызыл-гая⁸⁷. В то время нам назвали как принадлежащие данному сеоку следующие промысловые места, находящиеся в обширном таежном районе самых верховьев Томи-«Шор-тайка», а именно угодья по речкам Кайтырык, Шор-суг, Палыктыг; «Сарыг-тайка» — угодья по речке Тюльбер, Ой-пажы и др.⁸⁸. Эти «тайги» находились в общем-то по соседству Речка Тюльбер, по рассказам промышлявших там стариков шорцев, протекает по типичной труднопроходимой Горно-таежной местности, пригодной для промысла зверя, но не для постоянного жилья.

Таким образом, в среде современного населения шорцев известно название промысловой территории, связанной с именем тюльберов. Едва ли можно сомневаться в том, что эти охотничьи угодья принадлежали в свое время тюльберам. Данный факт может служить доказательством того, что Тюльберы обитали здесь довольно давно, во всяком случае, раньше XVII в, когда их имя впервые появляется в русских исторических документах, ибо к тому времени они успели занять и освоить далекий и труднодоступный район для промысла зверя и дать ему свое имя, получившее признание у ряда шорских сеоков. Шорские сеоки стали промышлять здесь, видимо, после того, как тюльберы постепенно осели и забросили охотничий промысел, «освободив» эти угодья. В XVII да и в XVIII в., по свидетельству И.Георги, охотничий промысел представлял у тюльберов важную отрасль хозяйства. Сочетание кочевого скотоводства с охотой на зверя, кстати сказать, составляет характерную и древнюю черту хозяйства так называемых «лесных народов» раннего средневековья, к которым относятся телеуты — теленгуты и многие другие народности Саяно-Алтайского нагорья⁸⁹.

Почему же собственником оставленной тюльберами охотничьей территории стал сеок Кызыл-гая? Для этого необходимо сказать несколько слов о том, что он представляет собой в этническом отношении. Сеок Кызыл-гая (его называют на месте еще «Кызай») в существующей литературе со времен путешествия В. В. Радлова принято относить к шорцам. Заметим сразу же, что под обобщенным названием «шорцы» известна значительная группа сеоков различного происхождения, в том числе и телеутского (например, *жетибер* или *четибер*, *челей*, *калар* и др.). Во время нашей полевой работы среди шорцев было выяснено, что сеок Кызыл-гая входил раньше (XIX в.) в Кызыльскую кочевую ясачную волость Кузнецкого уезда. Эта волость, находившаяся по р. Пызасу⁹⁰, в списке волостей,

⁸⁵ Соответствует Дальне Каргинской волости у В.Вербицкого

⁸⁶ В.Вербицкий, Кочевья инородцев Кузнецкого округа по рр Томи, Мрассе и Кондоме Памятная книжка Томской губернии, Томск, 1871, стр 242.

⁸⁷ Л.П.Потапов, Очерки по истории Шории, стр. 34.

⁸⁸ Сведения, сообщенные стариком Дмитрием Садучаковым, жителем урочища Уш-кайбук, относившим себя к сеоку Кызыл-гая.

⁸⁹ Подробно об этом см. в нашей книге «Очерки народного быта тувинцев», М, 1969

⁹⁰ Л.П.Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 132. Во время нашей полевой работы (в 1927 и 1934 гг.) мы нашли представителей сеока Кызыл-гая именно по р Пызасу (улус Усть-Пызас), где один из старейших жителей этого сеока Захар Адыяков (в возрасте 97 лет) рассказывал нам, что кызыл-гая раньше жили компактно по р. Пызасу и только в один из голодных годов разбредлись по р Мрассе.

зарегистрированных Г.Ф. Миллером в 1734 г., именуется Кызыл-Карга. Учитывая сказанное выше о каргинских ясачных волостях, современный шорский сеок Кызыл-гая можно считать законным «наследником» района промысловой территории, которая раньше составляла собственность тюльберов. Именно в каргинских волостях и сеоках растворилась какая-то часть тюльберов, не захотевших перейти после административной реформы 1822 г. «в оседлое состояние».